

Протоиерей В. А. Цыпин

МЕЖСОБОРНОЕ ПРИСУТСТВИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ,
МОСКВА, РОССИЯ

Патриарх Московский и всея Руси Сергей и Советское государство

Аннотация. На исходе 1925 года должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя занял митрополит Нижегородский Сергей. Он взял на себя задачу сформулировать позицию Церкви по отношению к государственной власти. Её аутентичным выражением стал проект «Обращения», который был отвергнут правительством, а его автор арестован. После освобождения митрополит Сергей вместе с Синодом издал Послание, названное в публицистике «Декларацией». В ней подчёркивалась лояльность духовенства и православного народа Советскому государству. Некоторые священнослужители выступили с критикой «Декларации», но значительное большинство епископата, духовенства и церковного народа с пониманием отнеслось к её изданию. В конце 1936 года в связи с ложным сообщением о кончине Местоблюстителя Петра в должность Местоблюстителя вступил митрополит Сергей. В действительности священномученик Пётр был тогда ещё жив, но в октябре 1937 года его расстреляли. 1937 год стал апогеем террора. Новый удар обрушился на Православную Церковь. 1 сентября 1939 года началась Вторая

мировая война. В результате продвижения границ Советского государства на запад Московская Патриархия получила возможность реально управлять епархиями Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины и Молдавии. На новых территориях церкви закрывались уже лишь в порядке исключения. 22 июня 1941 года Германия напала на СССР — Местоблюститель в первый день войны составил Послание, в котором благословил православный народ на защиту Отечества. С октября 1941 года по август 1943 года Патриархия находилась в Ульяновске. После её возвращения в Москву в Кремле состоялась встреча Сталина и Молотова с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем. На встрече было дано разрешение на созыв Архиерейского Собора, важнейшим деянием которого стало избрание Сергия Патриархом Московским и всея Руси. Патриарх Сергий скончался 15 мая 1944 года.

Ключевые слова: патриарх Сергий (Страгородский), Советское государство, церковно-государственные отношения

Для цитирования: Цыпин В. А., прот. Патриарх Московский и всея Руси Сергий и Советское государство // Ортодоксия. — 2024. — № 2. — С. 54–79. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-54-79

Открывая памятник патриарху Сергию (Страгородскому) на его родине в Арзамасе, Святейший Патриарх Кирилл сказал, что труды свои он «осуществлял в самое тяжёлое за всю историю Русской Православной Церкви время. Как Предстоятель Церкви, он столкнулся с такими трудностями, с которыми не сталкивался никто иной, потому что речь шла о самом существовании православной веры на Руси»¹.

3 марта 1917 года политические интриганы либеральной ориентации и изменившие присяге высшие военачальники, воспользовавшись беспорядками и солдатским мятежом в Петрограде, принудили святого императора Николая II к отречению от престола, повергнув страну в хаос, в смуту, в одну из самых опасных катастроф в истории России. Нежизнеспособное Временное правительство, идеологические установки которого, заимствованные на Западе, не имели почвы в ментальности

¹ Цит. по: Великая миссия патриарха Сергия (Страгородского) // Парламентская газета. — 2023. — 12 сентября. — URL: dzen.ru/a/ZP-AiEDKENCmuXvF. (дата обращения: 15.02.2024).

русского народа, обречено было на провал. Срыв революционного процесса в предельно радикальную фазу стал неизбежным: в октябре 1917 года в Петрограде власть перешла к большевикам, попытка оказать им сопротивление в Москве была подавлена.

В разгар смуты открылся Поместный Собор, важнейшее решение которого — о восстановлении патриаршества — принято было сразу после того, как из Петрограда пришло известие о низложении Временного правительства. 20 января (2 февраля) 1918 года Совнарком издал «Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Православная Церковь, которая по законам Российской империи имела статус «господствующего исповедания», согласно «Декрету», оказалась наравне с другими конфессиями, хотя и не вне закона, но в положении крайне уязвимом: «Декрет» лишил её прав юридического лица и подверг церковную собственность национализации, так что впредь храмы, иконы и богослужебная утварь предоставлялись приходским общинам в пользование по усмотрению гражданской власти. Политическая программа раннего большевизма ориентирована была на развязывание мировой революции. Идеологи правящей партии, следуя интернационалистской утопии, трактовали патриотизм как реакционный феномен, служащий интересам господствующих классов. Между тем Православная Церковь на всём протяжении своей истории воспитывала русский народ в духе жертвенной преданности Отечеству. Именно поэтому советская власть видела в ней самую опасную из существовавших в стране конфессий. Православное духовенство клеймилось советской пропагандой как сборище злокозненных черносотенцев и шовинистов.

Перед российским епископатом, духовенством и православным народом, составлявшим значительное большинство населения России, встал вопрос об адекватном отношении к утвердившейся в стране государственной власти. И вопрос этот имел две стороны: одна из них — как обеспечить выживание Церкви в условиях дискриминации и гонений, а другая — о гражданской верности клириков и мирян государству, которое оказалось в руках, враждебных Церкви, притом что никакой иной власти в стране на исходе Гражданской войны не осталось, а анархическое отстранение от начал государственности решительно расходилось с христианским учением о власти: по слову апостола Павла, «всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Послание к Римлянам 13: 1–2).

Реакция на бедственные перемены со стороны разных кругов российского духовенства оказалась не одинаковой. У одних священнослужителей, как, впрочем, и мирян, перед лицом переживаемой катастрофы пробудились апокалиптические настроения, ожидание близкого конца истории. В среде церковной эмиграции возобладало стремление встать на сторону тех политических сил, которые стремились к реваншу, к свержению советской власти и реставрации монархии или, в либеральных кругах, связанных с масонством, — к реставрации февральского режима. Те церковные деятели, оставшиеся в стране, кто в своё время с энтузиазмом приветствовал февральские «свободы», — элемент, впоследствии устами патриарха Алексия I обозванный церковной керенщиной, — искали пути сближения с новыми хозяевами положения. Для этого они интерпретировали учение Христа в духе религиозного коммунизма, не страшась идейной конвергенции с атеистической властью, не стесняясь самого откровенного сервилизма, при этом усвоив себе этикетку дореволюционного церковного модернизма, в своё время названного обновленчеством. В 1922 году после ареста патриарха Тихона в разгар кампании по изъятию церковных ценностей обновленцы учинили раскол.

Взвешенный и продуманный ответ на брошенный Церкви вызов был публично заявлен в официальных актах, изданных после завершения Гражданской войны в два последних года первосвятительского служения патриарха Тихона. В развёрнутом виде он изложен в документах, автором которых выступил занявший на исходе 1925 года по воле преемника патриарха священномученика Петра должность Заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола митрополит Нижегородский Сергей.

В самом начале своего архипастырского служения будущий патриарх предвидел испытания, которым предстояло обрушиться на Церковь. 25 февраля 1901 года при наречении во епископа он произнёс знаменательные слова, исполненные провидческой глубины: «Внешняя обстановка епископского служения может быть весьма разнообразна. Епископы могут быть в почёте и богатстве, могут пользоваться обширными гражданскими правами и преимуществами, но могут быть и в полном бесправии, нищете и даже гонении» (Патриарх Сергей и его духовное наследство 1947: 53). 17 февраля 1905 года во время Русско-японской войны и начавшейся в её разгар революции он, будучи ректором Петербургской духовной академии, в слове, произнесённом на молебне в память об основании Академии по поводу предстоявшего объявления императорского

указа об укреплении начал веротерпимости, говорил её встревоженным преподавателям и студентам: «После столетий мирного пребывания под защитой закона, за крепкой стеной государственной охраны, наша Церковь выходит теперь беззащитная, не прикрытая никем, прямо на поле брани под удары врагов... Российская империя может быть сметена надвигающимися событиями, но Церковь погибнуть не может» (Савич 1943: 29).

Он занял должность Заместителя Местоблюстителя, когда сам Патриарший Местоблюститель священномученик Пётр, находясь в тюремных узлах, а затем в далёкой ссылке, не имел контакта с епископатом и лишён был возможности не только осуществлять текущее церковное управление, но и оказывать влияние на формирование позиции Церкви в отношении Советского государства. Митрополит Сергей счёл своей первоочередной задачей добиваться легализации органов высшего и епархиального управления — легально существовали тогда только приходы, в то время как в качестве органов управления ими на епархиальном и центральном уровне зарегистрированы были учреждения обновленцев, с которыми канонические приходы поддерживать связь не могли. Для легализации канонической церковной структуры требовались контакты с властью.

Опираясь на акты, ранее изданные патриархом Тихоном, и действуя в их русле, митрополит Сергей взял на себя задачу сформулировать позицию Церкви по отношению к государственной власти. Её аутентичным выражением стал датированный 10 июня 1926 года проект «Обращение к православным архипастырям и пастырям». В качестве приложения он был присовокуплён к адресованному наркому внутренних дел ходатайству о регистрации его самого в должности Заместителя Местоблюстителя и о легализации органов высшего и епархиального управления, о разрешении на созыв Собора, на издание «Вестника Московской Патриархии» и на открытие духовных учебных заведений. В проекте Обращения говорилось: «Я взял на себя от лица всей православной староцерковной иерархии и паствы засвидетельствовать перед Советской властью нашу искреннюю готовность быть вполне законопослушными гражданами Советского Союза... и решительно отмежеваться от всяких политических партий и предприятий, направленных во вред Союза. Но будучи искренними до конца, мы не можем замалчивать того противоречия, какое существует между нами, православными, и коммунистами-большевиками, управляющими Союзом» (Акты Святейшего Тихона... 1994: 473–474).

Затронут был в этом документе и особенно болезненный в контексте церковно-государственных отношений вопрос о зарубежном духовенстве: «Не признавая себя гражданами Советского Союза и не считая себя обязанными по отношению к Советской власти никакими обязательствами, заграничные духовные лица иногда позволяют себе враждебные выступления против Союза, а ответственность за эти выступления падает на всю Русскую Церковь, в клире или иерархии которой они продолжают оставаться». Во избежание подобных осложнений нужно, по словам митрополита Сергия, «установить правило, что всякое духовное лицо, которое не пожелает признать своих гражданских обязательств перед Советским Союзом, должно быть исключено из состава клира Московского Патриархата и поступать в ведение заграничных поместных Церквей, смотря по территории» (Акты Святейшего Тихона... 1994: 475).

Государственная власть не сочла содержащиеся в проекте положения приемлемыми, и в регистрации органов высшего и епархиального управления было отказано. Хуже того, в декабре 1926 года митрополит Сергей подвергся аресту — ему предъявили обвинение в связях с враждебной советской власти эмиграцией. Основанием для этого послужило адресованное зарубежному епископату письмо, в котором он предлагал своим собратьям войти в юрисдикцию поместных церквей по месту жительства. Письмо это было конфиденциального статуса, но его опубликовали в эмигрантской «Ревельской газете», затем перепечатали в Париже. Помимо того, Заместитель Местоблюстителя обвинялся в участии в нелегальных выборах патриарха путём опроса епископов. Сам митрополит Сергей к этому проекту, инициатором которого выступил архиепископ Рыльский Павлин (Крошечкин), поддержанный затем священномучеником Иларионом (Троицким), отнёсся скептически, но под напором его сторонников дал согласие на проведение тайного опроса епископов. Как и опасался митрополит Сергей, тайные выборы были выявлены и сорваны ОГПУ с последовавшими затем арестами их участников.

Пока Заместитель Местоблюстителя находился в заключении, с ним вели переговоры представители гражданских властей, главным образом сотрудник ОГПУ Е. А. Тучков. 30 марта 1927 года митрополит Сергей был освобождён. Ему разрешили перебраться из Нижнего Новгорода в Москву — до ареста он исполнял обязанности Главы Русской Церкви, оставаясь в своем кафедральном городе — Нижнем. Заместитель Местоблюстителя получил разрешение на образование Временного Патриаршего Синода.

В июле 1927 года от лица Заместителя Местоблюстителя и Временного Синода было издано адресованное архиереям, пастырям и пастве послание «Об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти». В современной ему публицистике и в церковно-исторической литературе оно получило название «Декларация». В ней сообщалось что «теперь... Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по советским законам вполне легальное центральное управление» (Акты Святейшего Тихона... 1994: 510). В «Декларации» конкретизированы положения, которые содержались уже в актах святого патриарха Тихона, изданных в два последних года его первосвятительского служения. В ней подчёркивалась гражданская лояльность канонического духовенства и православного народа государству в новых исторических условиях: «Верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи» (Акты Святейшего Тихона... 1994: 510). По словам составителей этого документа, одна из причин осложнений в устройении церковной жизни в революционное десятилетие заключалась в «недостаточном сознании многими представителями Церкви серьёзности совершившегося в нашей стране... Забывали люди, что случайностей для христианина нет и что в совершающемся у нас, как везде и всегда, действует та же Десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели» (Акты Святейшего Тихона... 1994: 512). В заключение в «Послании» говорилось о неотложной необходимости подготовки Второго Поместного Собора. В нём повторены многие из тезисов, содержащихся в составленной ранее, в 1926 году, «Памятной записке соловецких епископов», но в отличие от неё в «Декларации» отсутствовала критика в оценке политики советского правительства по отношению к Православной Церкви.

7 октября 1927 года митрополит Сергей направил в ОГПУ заявление с просьбой об амнистии или облегчении участи репрессированных священнослужителей в связи с тем, что они «оказались жертвами... прежнего нелегального положения нашей Церкви и прежних её ненормальных отношений к Советскому правительству» (Акты Святейшего Тихона...

1994: 517). Эта просьба не осталась без реакции: несколько священнослужителей, в том числе и епископов, были освобождены из тюрем и лагерей, но другие архипастыри и пастыри были арестованы и сосланы.

С церковной стороны начали исполняться условия легализации, поставленные Тучковым и принятые Заместителем Местоблюстителя в канун его освобождения из-под ареста. 21 октября Временный Патриарший Синод издал указ о возобновлении поминовения государственной власти с присовокуплением апостольских слов, обосновывающих такое поминовение: «Ещё молимся о Богохранимемей стране нашей, властех и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживём во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим. 2: 2). Синод издал указ об увольнении лишённых свободы и сосланных архиереев на покой или об их назначении на кафедры по месту их ссылки. До тех пор епископы, томившиеся в тюрьмах, лагерях и ссылках, оставались на своих кафедрах, и в их епархиях возносились о них молитвы, в чём представители гражданской власти усматривали демонстрацию протеста.

Указ Синода вызвал неодобрение со стороны части духовенства. Некоторые епископы выступили с критикой отдельных положений, содержащихся в тексте «Декларации». Оппоненты, выразившие несогласие с митрополитом Сергием, делали это по разным мотивам. Одни, недовольные увольнениями сосланных архиереев, полагали, что он перешёл в поисках компромисса с властью запретную черту, хотя и сами считали необходимым стремиться к нормализации отношений между Церковью и государством. Другие находили что митрополит Сергей поторопился налаживать отношения с властью, вместо того чтобы дождаться неизбежного и скорого, как они полагали, изменения политической ситуации в стране. В среде эмигрантского духовенства возобладали надежды на близящееся падение советской власти. Некоторые из критиков в сложившихся трагических обстоятельствах исполнились апокалиптической тревоги и уже не считали важным делом сохранение церковной структуры. Они готовы были уйти «в катакомбы». Между тем митрополит Сергей главную цель своей церковной политики видел как раз в том, чтобы сохранить для многомиллионной российской паствы православные приходы и храмы, сохранить духовенство, он не хотел ставить православный народ перед жестоким выбором между катакомбами и обновленческим расколом, в ту пору находившимся в более благоприятном внешне положении.

В защиту Заместителя Местоблюстителя и его соавторов выступил тогда один из самых глубоких религиозных философов — Н. А. Бердяев.

В статье «Вопль Русской Церкви» он писал: «Героическая непримиримость отдельного человека, готового идти под расстрел, прекрасна, полновесна и вызывает чувство нашего восхищения. Но там, в России, есть ещё другой героизм, другая жертвенность... Патриарх Тихон, митрополит Сергей — не отдельные, частные лица, которые могут думать только о себе. Перед ними всегда стоит не их личная судьба, а судьба Церкви и церковного народа как целого. Они могут и должны забывать о себе... и говорить лишь то, что спасительно для Церкви. Это есть огромная личная жертва. Её принёс Патриарх Тихон, её приносит митрополит Сергей. Некогда эту жертву принёс святой Александр Невский, когда ездил в Ханскую Орду. Отдельный человек может предпочесть личное мученичество. Но не таково положение иерарха, возглавляющего Церковь, он должен идти на иное мученичество и принести иную жертву... Церковь принимает факт образования новой природно-исторической среды и может стремиться лишь к христианизации этой среды изнутри, духовно борясь против безбожия и растреления во имя Христовой Правды»².

29 марта 1928 года Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и Временный Синод издали «Деяние», в котором подробно изложена позиция высшей церковной власти относительно выдвинутых против них обвинений. В разъяснение смутивших многих верующих людей слов из «Декларации» о «радостях и неудачах» в «Деянии» говорится, что эти слова относятся к внешнему благополучию и бедствиям народной жизни, но вовсе не к распространению неверия, как представляли это злонамеренные критики «Декларации» (Акты Святейшего Тихона... 1994: 599). Значительное большинство епископата, духовенства и церковного народа с пониманием отнеслось к церковной политике митрополита Сергея и поддерживало его. Архиепископ Верейский Иларион (Троицкий) написал из Соловецкого лагеря на волю письмо с осуждением отделившихся от митрополита Сергея. Касаясь в этом письме, составленном из-за лагерной цензуры иносказательно, вынужденных переводов и увольнений архиереев, он заметил: «Что и других переводят, так что ж делать, поневоле делают, как им жить дома нельзя. Прежде по каким пустякам должность меняли и ещё рады были, а теперь заскандалили»³.

В 1929 году НЭП был отменён; началась массовая коллективизация, сопровождавшаяся конфискацией имущества крестьян, названных

² Цит. по: Бердяев Н. А. Вопль Русской Церкви. 13 сентября 1927 — URL: <https://istmat.org/node/34587> (дата обращения: 15.04.2024).

³ Цит. по: (Иоанн (Снычев) 1997: 207–208).

кулаками, высылкой миллионов крестьянских семей в Сибирь и на север, заключением в тюрьмы и лагеря и расстрелами тех, кого власть находила способными к сопротивлению. Русскую Церковь и на этот раз не миновало ужесточение репрессий. В начале 1929 года за подписью секретаря ЦК ВКП(б) Кагановича была разослана директива, в которой утверждалось, что религиозные общины остались единственными в стране легально действующими контрреволюционными организациями, выполняющими задание по мобилизации «реакционных и малограмотных элементов» для «контрнаступления на мероприятия советской власти и компартии». 8 марта 1929 года ВЦИК и СНК издали новое постановление о религиозных объединениях, согласно которому священнослужители исключались из состава приходских «двадцаток» как лица, лишённые политических прав; частное обучение религии, допущенное декретом 1918 года об отделении Церкви от государства, впредь могло осуществляться лишь как право родителей обучать религии своих детей. В мае 1929 года на XIV Всероссийском съезде Советов были внесены поправки в Конституцию РСФСР. В её прежней редакции 4-я статья гласила: «Свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признаётся за всеми гражданами», в новой редакции её заменила формулировка: «Свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды признаётся за всеми гражданами» — иными словами, из Конституции было изъято положение о свободе религиозной пропаганды (Владислав Цыпин 1993: 187).

Массовое снятие приходов с регистрации сопровождалось арестами священнослужителей, этапированием их в места заключения, где томились уже тысячи их собратьев.

18 февраля 1930 года Заместитель Местоблюстителя дал интервью иностранным корреспондентам, в котором сообщил, что Русская Церковь имеет около 30 000 приходов и 163 епископа, занимающих свои кафедры. Закрывая церквей он, в частности, объяснил распространением атеизма. На прямой вопрос о гонениях последовал ответ, что в силу декрета об отделении Церкви от государства исповедание любой веры вполне свободно. С формальной стороны ответ был корректным: репрессируемые обвинялись не в исповедании религиозной веры, а по статьям о неуплате налогов, нарушении декрета об отделении Церкви от государства, в более тяжёлых случаях — в принадлежности к контрреволюционному подполью, но такие ответы у поверхностных журналистов и читателей могли создать более благоприятное впечатление о положении гонимой Православной Церкви, чем оно было в действительности. На это,

собственно, и рассчитывали власти, допустившие эту пресс-конференцию (Владислав Цыпин 1993: 193). Митрополит Сергей, прекрасно понимая, что зарубежные читатели его интервью не помогут облегчить участь подведомственного ему духовенства и паствы, поступил бы как безумец, если бы воспользовался пресс-конференцией для того, чтобы представить положение гонимой Православной Церкви во всём её трагизме.

На следующий день после пресс-конференции, с точки зрения властей удачной, Заместитель Местоблюстителя обратился с «Памятной запиской о нуждах Православной патриаршей Церкви в СССР», адресованной П. Г. Смидовичу, занимавшему должность председателя Постоянной комиссии ВЦИК по вопросам культа. В ней он протестовал против закрытия церквей, против необоснованных арестов и ссылок священнослужителей, против причисления духовенства к нетрудовым элементам, против отказа детям духовных лиц в приёме в вузы. В «Записке» упомянуты и такие курьёзные виды поборов с приходов, как уплата авторского гонорара за пение в церквях в пользу Драмсоюза. «Необходимо, — писал он, — чтобы сбор производился только за исполнение в церкви тех музыкальных произведений, которые национализированы или же по авторскому праву принадлежат какому-либо лицу, а не вообще за пение в церкви чего бы то ни было, в частности, при богослужении: чтобы исполнение служителями культа своих богослужебных обязанностей не рассматривалось как исполнение артистами музыкальных произведений» (Акты Святейшего Тихона... 1994: 689). Митрополит Сергей ходатайствовал перед гражданской властью о разрешении на возобновление церковно-издательской деятельности и на открытие духовных школ, о снижении налогового пресса на духовенство. Ходатайство Заместителя Местоблюстителя возымело относительный успех. В 1931 году волна массового закрытия церквей пошла на убыль. Было дано разрешение на издание «Журнала Московской Патриархии», который выходил затем с 1931 по 1935 год.

На конец 1934 года пришлось обострение государственного террора против действительных или только подозреваемых противников режима, последовавшее за убийством С. М. Кирова. Ужесточились и гонения на Православную Церковь. Десятки архиереев и тысячи священников подверглись арестам. 18 мая 1935 года Заместитель Местоблюстителя вынужден был распустить Временный Синод. После этого управление всеми епархиями Русской Церкви он осуществлял единолично с помощью своего викария епископа Дмитровского Сергея (Воскресенского) и канцелярии, в штаты которой входили один секретарь и одна машинистка.

В 1936 году в Московскую Патриархию поступило ложное сообщение о кончине Местоблюстителя, в связи с этим 27 декабря был издан «Акт о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола Православной Российской Церкви к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, Блаженнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Страгородскому)». Титул митрополита Московского он носил с 1934 года. Как стало известно уже в наше время, в ту пору митрополит Пётр был ещё жив, но в октябре 1937 года его расстреляли.

1937 год стал апогеем террора. Новый удар обрушился и на Православную Церковь. Обнаружилась особая причина для ужесточения гонений — по итогам переписи населения выяснилось, что $\frac{2}{3}$ сельских и $\frac{1}{3}$ городских жителей открыто в переписных бюллетенях назвали себя верующими. Сельские жители составляли тогда $\frac{3}{4}$ населения страны — таким образом, больше половины советских граждан заявили себя верующими. Результаты переписи обозначали провал оголтелой антирелигиозной пропаганды «Союза воинствующих безбожников». За это пятимиллионный союз подвергся чистке. Около половины его членов было арестовано, многих расстреляли как врагов народа. В самом начале 1937 года возобновилась кампания массового закрытия церквей. В результате этого разорения на огромных просторах РСФСР к 1939 году осталось около 100 храмов, почти все в больших городах, в основном тех, куда пускали иностранцев. Эти храмы так и называли «показательными». Несколько больше, до 3% дореволюционных приходов, сохранилось на Украине. На территории советской Белоруссии не осталось ни одного действующего храма.

В годы предвоенного террора опасность нависла над самим существованием Патриархии и всей церковной организацией. К 1939 году из российского епископата помимо Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия на кафедрах остались 3 архиерея — митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский) и архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич). На свободе осталось ещё несколько епископов, которые совершали богослужения как настоятели храмов либо оставались не у дел. Казалось бы, надежда на выживание Церкви в Советской стране рухнула. Но вскоре ситуация изменилась.

1 сентября 1939 года нападением нацистской Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Спустя 16 дней Красная армия перешла

советско-польскую границу и заняла восточные воеводства побеждённого немцами государства — исконно русские и православные земли: Западную Белоруссию, Волынь и Подолье, оторванные от России по Рижскому договору (1921) советского правительства с Польшей, а также Галицию, которая на протяжении столетий была отделена от Руси. 27 июня 1940 года советское правительство потребовало от Румынии в течение четырёх дней очистить территорию Бессарабии, принадлежавшей России до 1918 года, и Северной Буковины, оторванной от Руси ещё в Средневековье, но где большинство населения имело русские корни. Румыния вынуждена была подчиниться ультиматуму. Летом 1940 года к Советскому Союзу были присоединены Эстония, Латвия и Литва, принадлежавшие России до революции и Гражданской войны. Продвижение границ Советского государства на запад расширило юрисдикцию Российской Православной Церкви. Московская Патриархия получила возможность реально управлять епархиями Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины и Молдавии. На новых территориях СССР церкви закрывались уже лишь в порядке исключения. Как пишет О. Ю. Васильева, к началу 1941 года Русская Православная Церковь имела 3021 действующий храм, при этом около 3 тыс. из них находились на территориях, присоединённых в 1939–1940 годах (Васильева 1997). В годы «большого террора» могло сложиться впечатление, что ввиду разгрома церковной организации курс взаимоотношений с гражданской властью, который проложили патриарх Тихон и митрополит Сергей, потерпел крах, что сохранить легальное положение приходов и монастырей не удалось, и потому надо было вместо этого уходить в подполье — «в катакомбы». Но изменения в положении Церкви в Советском государстве, наступившие в канун Великой Отечественной войны и затем, когда она началась, подтвердили правоту Первосвятителей Тихона и Сергея.

За два десятилетия, прошедших со времени революционной катастрофы, официальная идеология большевистской партии, захватившей власть в Петрограде в октябре 1917 года и победившей в ходе Гражданской войны, претерпела трансформацию, на завершающем этапе которой атеизм оставался лишь данью сложившейся традиции, лишённой политической актуальности. Неизбежность подобной эволюции, конструируя разные её варианты, предвидели глубокие мыслители русской эмиграции и их единомышленники внутри страны, способные освободиться от сложившихся в ходе Гражданской

войны стереотипов, — сменовеховцы, евразийцы, младороссы. Интернационалистский курс Ленина — Троцкого — Зиновьева, ориентированный на разжигание мировой революции, провалился, поскольку он основан был на коммунистической утопии. Возобладала более прагматичная линия Сталина и Бухарина, нацеленная на то, чтобы сосредоточиться на внутренних проблемах страны. Но на исходе 20-х годов между этими двумя лидерами обнаружились принципиальные разногласия. Бухарин стоял за продолжение НЭПа, так что, если бы он взял верх в споре, это привело бы к эволюции правящей партии в сторону европейской социал-демократии. Сталин, очевидно, острее осознавал непригодность ментального русского климата, русской почвы, для подобного процесса и потому победил своего оппонента. На рубеже 20–30-х годов он инициировал ускоренную индустриализацию ради умножения военной мощи в условиях враждебного соседства с Западом. Коллективизация понадобилась для того, чтобы десятки миллионов крестьян перебросить в города, фабричные поселки, а также в трудовые лагеря «на стройку социализма», притом что Сталин был достаточно хорошо ориентирован в марксистской доктрине, которой он увлёкся в юности, чтобы знать, что социализм подобного рода Маркс называл казарменным и отвергал его. О том, что сам Сталин не испытывал пиетета перед основоположниками официальной идеологии, портреты которых соседствовали с его собственными изображениями в качестве украшения городов в дни советских праздников, с полной очевидностью говорит его записка 1934 года, адресованная членам Политбюро. В ней он возражает против публикации русофобской и конспирологической статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма», давая ей негативную характеристику.

В партийной пропаганде в 30-е годы взят был курс на воспитание народных масс в духе «советского патриотизма», хотя в 20-е годы понятия «патриотизм» и «родина» трактовались в негативном свете: родина, мол, нужна имущим классам, а неимущим терять нечего, кроме своих цепей. К слову сказать, журналистская обслуга реформаторов 90-х годов и выдрессированные ими современные глашатаи пресловутых «либеральных» ценностей далеко превзошли своих идейных предтеч революционной эпохи в пропаганде беспардонной русофобии, не стесняясь клеймить самые сдержанные проявления патриотизма как негодяйство. Интернационализм не был отвергнут Сталиным как лозунг, но в практическом плане Коминтерн служил уже не боевым штабом мировой революции, а инструментом советской внешней политики,

ориентированной на укрепление влияния Москвы в странах — потенциальных противниках СССР.

С середины 30-х годов советские пропагандисты, кроме бунтовщиков и революционеров, таких как Разин, Пугачёв, Пестель, Софья Перовская, которых превозносили начиная с 1917 года, из истории России извлекли и иные примеры, достойные подражания. Портреты Суворова и Кутузова, которых ведущий историк-марксист 20-х годов М. Н. Покровский клеймил как империалистов, шовинистов, душителей свободы, оказались в кабинете Сталина. Имена святых князей Александра Невского и Дмитрия Донского упоминались в печати в положительном контексте, и даже о Крещении Руси в учебниках истории стали писать как о событии прогрессивном для своего времени. В своё время большевистская власть опередила западные демократии такими новациями, как устранение уголовной ответственности за аборт, за противоестественные связи, легализовала разводы по хотя бы и немотивированному желанию одной из сторон и во внесудебном порядке. Современные адепты так называемых западных демократических ценностей в этом, как и во многом другом, по сути дела, повторяют опыты раннего большевизма. А в середине 30-х годов аборт без медицинских показаний были у нас запрещены, возобновлялась уголовная ответственность за содомию, бракоразводные процессы впредь могли производиться лишь в судебном порядке при наличии солидной мотивации.

Но поворота в сторону смягчения антирелигиозной политики советского правительства в контексте идеологической метаморфозы середины 30-х годов не последовало. Его первые признаки обнаружались уже только на исходе 1939 года.

9 (22) июня 1941 года, в день всех святых, в земле Российской просиявших, началась Великая Отечественная война. Германия снова, как и в 1914 году, вступила в смертельную схватку с Россией. Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей в первый же день войны составил «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви»: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину... Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят ещё раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой... С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ

и Родину... Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов... Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг. Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя (Ин. 15: 13)... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу» (Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война 1943: 3–5).

Это обращение уместно сравнить с другим актом — посланием патриарха Тихона по поводу Брест-Литовского мира, изданным 5 (18) марта 1918 года: «Заклѣченный ныне мир, по которому отторгаются от нас целые области, населённые православным народом, и отдаются на волю чуждого по вере врага, а десятки миллионов православных людей попадают в условия великого духовного соблазна для их веры, мир, по которому даже искони православная Украина отделяется от братской России и стольный град Киев, мать городов русских, колыбель нашего крещения, хранилище святынь, перестаёт быть городом державы Российской, мир, отдающий наш народ и Русскую землю в тяжкую кабалу, — такой мир не даст народу желанного отдыха и успокоения, Церкви же православной принесёт великий урон и горе, а отечеству неисчислимые потери» (Акты Святейшего Тихона 1994: 107–108). Оба документа продиктованы одним и тем же патриотическим пафосом, но в 1918 году большевистское правительство капитулировало перед врагом, а в 1941 году лидер той же по имени, но по-другому ориентированной партии возглавил сопротивление агрессии, и в этом получил полную поддержку со стороны Православной Церкви, которая и после многочисленных отпадений от неё заблудившихся и немощных духом осталась душой русского народа.

26 июня Местоблюститель Патриаршего престола совершил в Богоявленском соборе молебен о победе русского воинства. В слове, сказанном по окончании его, он выразил надежду, что как гроза освежает воздух, так и настоящая военная гроза послужит «к оздоровлению нашей атмосферы духовной» (Правда о религии в России 1942: 87–88). В этих словах прикровенно выражены и суд о состоянии общества в канун войны, в котором царил вызванный пережитыми массовыми репрессиями страх, и надежда, что война принесёт с собой изменения к лучшему для Церкви Христовой. Во всех ещё не разрушенных и не

осквернённых православных храмах Русской земли за богослужением с незначительными изменениями стала читаться молитва, которая была составлена в Отечественную войну 1812 года: «Господи Боже сил, Боже спасения нашего, Боже творяй чудеса Един! Призри в милости и щедротах на смиренныя рабы Твоя и человеколюбно услыши и помилуй нас: се бо врази наша собращася на ны, во еже погубити нас и раззорити святыни наша. Помози нам Боже, Спасителю наш, и избави нас, славы ради имени Твоего... Восстани в помощь нашу и подаждь воинству нашему о имени Твоем победити: а имже судил еси положить на брани души своя, тем прости согрешения их, и в день праведного воздаяния Твоего воздай венцы нетления...» (Правда о религии в России 1942: 290 (вкладыш). В Красную армию мобилизованы были главным образом крестьяне, которые оставались в большинстве своём людьми верующими. Фронтовая жизнь в ежечасном ожидании смерти, страдания от ран, гибель боевых друзей пробуждали в русских солдатах религиозные чувства и мысли. Религиозные настроения в народе углубились и усилились.

Первые месяцы войны весь запад страны был оккупирован немцами. Взят был Киев — мать городов русских. Окружению и блокаде подверглась северная столица погибшей Российской империи. Осенью 1941 года линия фронта приблизилась к окраинам Москвы. 7 октября Московский горсовет распорядился об эвакуации Патриархии на Урал в Чкалов (Оренбург) — само советское правительство, за исключением его главы Сталина, оставшегося в Москве, переехало тогда в Куйбышев (Самару). Патриархии удалось добиться разрешения на выезд не в далёкий Оренбург, а в Ульяновск (Симбирск).

24 ноября Заместитель Местоблюстителя обратился с новым посланием к пастве: «Гитлеровский молох продолжает вещать миру, будто бы он поднял меч “на защиту религии” и “спасение” якобы поруганной веры. Но всему миру ведомо, что это исчадие ада лживой личиной благочестия только прикрывает свои злодеяния. Во всех порабождённых им странах он творит гнусные надругательства над свободой совести, издевается над святынями, бомбами разрушает храмы Божии, бросает в тюрьмы и казнит христианских пастырей, гноит в тюрьмах верующих, восставших против его безумной гордыни, против его замыслов утвердить свою сатанинскую власть над всей землёй... Всему миру ясно, что фашистские изверги являются сатанинскими врагами веры и христианства. У русских людей, у всех, кому дорога наша Отчизна, сейчас одна цель — во что

бы то ни стало одолеть врага» (Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война 1943: 8–10).

В пасхальном послании 1942 года первосвятитель раскрыл антихристианскую направленность нацистской идеологии: «Не победить фашистам, возымевшим дерзость вместо Креста Христова признать своим знаменем языческую свастику. Не забудем слов: Сим победиши. Не свастика, а крест призван возглавить христианскую нашу культуру, наше христианское “жительство”» (Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война 1943: 24–25).

В годы войны патриотизм архипастырей и пастырей оказался совместимым с советским патриотизмом — поражения фашистов искренне хотели и коммунисты, и верующий народ. Последовательно патриотическая позиция священноначалия Русской Православной Церкви в дни войны не осталась без ответа со стороны гражданской власти. По разрешению властей вновь замещено было несколько архиерейских кафедр. В 1941–1943 годах совершались и архиерейские хиротонии, главным образом вдовых протоиереев уже преклонных лет, успевших получить духовное образование в дореволюционную эпоху. Помимо разрешений на замещение вдовствующих кафедр и на новые епископские хиротонии, ещё одним актом советской власти явилось практически полное прекращение в периодической печати антирелигиозных нападок. «Союз воинствующих безбожников» прекратил существование без официального роспуска. В 1943 году умер его бессменный руководитель Емельян Ярославский. Были закрыты и некоторые провинциальные антирелигиозные музеи.

В конце августа 1943 года митрополиту Сергию было предложено вернуться из Ульяновска в Москву. 3 сентября в Кремле состоялась встреча Сталина и Молотова с митрополитами Сергием, Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем). На встрече присутствовал также начальник 4-го отдела III управления НКВД по борьбе с церковно-сектантской контрреволюцией полковник Г. Г. Карпов, которому предстояло занять должность председателя учреждённого вскоре Совета по делам Русской Православной Церкви. Он составил своего рода протокол состоявшейся беседы. «Кратко отметив, — по словам Карпова, — положительное значение патриотической деятельности Церкви за время войны, Сталин просил митрополитов Сергия, Алексия и Николая высказаться об имеющихся у Патриархии и у них лично назревших, но не разрешённых вопросах»⁴.

⁴ Московский церковный вестник. — 1994. — 6 (103).

Митрополит Сергей попросил руководителей государства дать разрешение на созыв Архиерейского Собора для избрания патриарха. При этом был затронут вопрос о его титуле. Митрополит предложил титул «Патриарх Московский и всея Руси», а не «Московский и всея России», как именовался святитель Тихон. Сталин одобрил такое изменение, основанием которого служило то обстоятельство, что «Россией» в Советском Союзе называлась только его часть, в то время как слово «Русь» напоминало о временах, когда предки великороссов (русских), малороссов (украинцев) и белорусов составляли единый русский народ, и потому при новом устройстве государства это слово обнимало более обширную территорию, чем слово «Россия», в ту пору по преимуществу применявшееся к Российской Федерации (РСФСР).

В беседе обсуждался затем вопрос об открытии духовных учебных заведений. Митрополит Сергей заявил о необходимости повсеместного открытия духовных школ, так как у Церкви отсутствуют кадры священнослужителей. И тогда, согласно сведениям, полученным А. Э. Красновым-Левитиным от одного из участников знаменательной встречи — им, вероятно, был митрополит Николай, — «Сталин неожиданно прервал молчание: «А почему у вас нет кадров?» — спросил он, вынув изо рта трубку и в упор глядя на своих собеседников. Алексей и Николай смутились... всем было известно, что кадры перебиты в лагерях. Но митрополит Сергей не смутился: «Кадров у нас нет по разным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится маршалом Советского Союза». Довольная усмешка тронула уста диктатора. Он сказал: «Да, да, как же. Я семинарист. Слышал тогда и о вас». Затем он стал вспоминать семинарские годы... Сказал, что мать его до самой смерти сожалела, что он не стал священником» (Краснов-Левитин 1979: 106–107). Митрополит Сергей поднял вопрос о возобновлении издания «Журнала Московской Патриархии», на что дано было согласие, и об открытии приходов, о возобновлении нормальной церковноприходской жизни в стране. Допуская избрание патриарха, открытие приходов и духовных школ, правительство признавало несбыточность большевистских планов полного разгрома Церкви и устранения её из жизни народа.

Архиерейский Собор состоялся через четыре дня после встречи в Кремле — 8 сентября 1943 года в новом здании Патриархии в Чистом переулке, где до войны размещалась резиденция посла Германии. В соборных деяниях участвовало 19 архиереев. Почти все они испытали аресты, тюрьмы, лагеря и ссылки. Собор открыт был Местоблюстителем

Патриаршего престола митрополитом Сергием кратким докладом «О деятельности Православной Церкви за два года Отечественной войны». Архиерейский Собор принял подписанную всеми его участниками декларацию об осуждении изменников веры и Отечества, направленную против коллаборационистов из духовенства, запятнавших себя сотрудничеством с оккупационными властями и одновременно посягнувших на учинение расколов. Разумеется, этот акт был направлен не против тех священнослужителей, кто, находясь на оккупированной территории, вынужден был вступать в контакты с немецкими властями по вопросам, связанным с открытием церквей, с приходской жизнью, контролировавшейся немецкой администрацией. Это касалось священнослужителей, которые предавали ближних или откровенно перешли на сторону фашистов.

В обращении Собора к правительству говорилось: «Глубоко тронутые сочувственным отношением нашего всенародного вождя, главы Советского правительства И. В. Сталина, к нуждам Русской Православной Церкви и к скромным трудам нашим, её смиренных служителей, приносим правительству нашу общесоборную искреннюю благодарность и радостное уверение, что, ободрённые этим сочувствием, мы приумножим нашу долю работы в общенародном подвиге за спасение Родины. Небесный же Глава Церкви да благословит труды правительства Своим зиждительным благословением и да увенчает нашу борьбу за правое дело вожделенной победой и освобождением страждущего человечества от мрачных уз фашизма»⁵. Важнейшим деянием Собора стало избрание митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси.

27 октября 1943 года Святейший Патриарх направил Г. Г. Карпову заявление следующего содержания: «Прошу Вас возбудить перед правительством СССР ходатайство об амнистии перечисленным в прилагаемом списке лицам, которых я бы желал привлечь к церковной работе под моим ведением»⁶. К заявлению был приложен список, в котором значились имена митрополитов Евгения (Зернова), Павла (Борисовского) и еще 23 архиепископов и епископов, одного архимандрита и одного протоиерея. Все поименованные в этом списке, кроме епископа Николая (Могилевского), в действительности были уже расстреляны или погибли в лагерях от каторжных условий жизни, от голода и тяжких работ.

⁵ Журнал Московской Патриархии. — 1943. — № 1. — С. 13.

⁶ Цит. по: (Шкаровский 1995: 116).

Епископ Николай (Могилевский), ныне прославленный в чине исповедников, был освобождён и затем назначен на Алма-Атинскую кафедру.

7 ноября 1943 года патриарх Сергей издал послание по случаю государственного праздника. В нём нет оценки Октябрьского переворота, который был совершён 25 октября (7 ноября) в ходе перманентной революции, разразившейся в феврале 1917 года. В этом послании патриарх воздаёт хвалу советскому правительству за организацию отпора агрессору, но также и за продуманную национальную политику, за то, что власть «поощряла культурное развитие каждого племени и народности в национальном духе... Вместо плохо сплочённой массы разных племён наш Союз встретил врагов до неразрывности спаянный беззаветной любовью всех племён к общей Родине, готовностью их на всякую жертву, лишь бы Родина была свободна от фашистского ярма. Откуда же взялось такое единодушие? ... Многие здесь объясняется мудрой национальной политикой правительства, которая каждому племени даёт возможность чувствовать себя дома на советской земле... Но вера не колеблясь указывает нам и высшую причину, от которой исходит и сама мудрая политика. “Это — перст Божий”, — говорит нам вера. Сие знамение десницы Вышнего (Пс. 76: 11). Это Он, милосердя о нас, даёт сильным (в том числе и правителям нашим) писать правду (Притч. 8: 15) и государственную жизнь нашу исправляет так, что мы можем жить во всяком благочестии и чистоте»⁷. В послании патриарх призвал усердно молиться «о богохранимой стране нашей и о властях её во главе с нашим богоданным вождём»⁸. Характеристика Сталина как богоданного вождя напоминала, по крайней мере, старшему поколению о том, что так принято было именовать в России императора, царя. Впоследствии это выражение не раз употреблялось по отношению к Сталину в посланиях преемника Святейшего Сергея патриарха Алексия I, который, как мало кто другой в российском епископате, не скрывал своих монархических убеждений в годы революционной смуты.

Патриарх Московский и всея Руси Сергей скончался 15 мая 1944 года в 6 часов утра от кровоизлияния в мозг. Выдающийся православный богослов XX века В. Н. Лосский писал вскоре после его кончины: «До конца времён Церковь сохранит память великого святителя. ... Всё было велико в жизни великого Сергея, который всего лишь несколько последних

⁷ Журнал Московской Патриархии. — 1943. — № 3. — С. 3–4.

⁸ Там же. С. 4.

месяцев своего епископского служения носил сан Патриарха Московского и всея Руси. Но как Патриарший Местоблюститель он почти 18 лет управлял Русской Церковью. Старый мир, мир Русской империи, мир византийских традиций, восходивший к Константину Великому, — тот мир, который казался многим миром самого христианства, внезапно рушился до основания, и на его месте возникал новый мир вне христианства, но не вне Божественной воли, определяющей исторические судьбы. Чтобы руководить церковной жизнью в столь исключительных условиях, в Москве — столице нового государства, в центре строящегося нового мира, надо было обладать непоколебимой верой в богоустановленность Церкви» (Патриарх Сергей и его духовное наследство 1947: 263–264).

Надеждам свидетелей катастрофы Российской империи Святейших Патриархов Тихона, Сергия, Алексия I на полную нормализацию церковно-государственных отношений в русле традиционной симфонии Промыслом Божиим суждено было начать исполняться уже только в XXI столетии. Речь не идёт о том, чтобы копировать те модели симфонии, сложившиеся в Византии, допетровской Руси и Российской империи. Процесс этот творческий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / сост. М. Е. Губонин. — М., 1994. — 1063 с.

Васильева О. Ю. Жребий митрополита Сергия (От «Декларации» до «Памятной записки») // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского института, 30 янв. — 1 февр. 1997 г.: Материалы. — М, 1997. — С. 174–186.

Владислав Цыпин, прот. История Русской Церкви. 1917–1997. — Т. 9. — М., 1997. — 830 с.

Иоанн (Снычев). Церковные расколы в Русской Церкви 20–30-х годов XX столетия. — Самара, 1997. — 363 с.

Краснов-Левитин А. Воспоминания. Рук Твоих жар. — Тель-Авив, 1979. — Т. 2. — 477 с.

Патриарх Сергий и его духовное наследство. — М., 1947. — 415 с.

Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. — М., 1943. — 99 с.

Савич А. А. Краткая биография Святейшего Патриарха // Патриарх Сергий и его духовное наследство. — М., 1947. — С. 13–52.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943–1964 годах. — СПб., 1995. — 216 с.

Сведения об авторе:

Протоиерей Владислав Александрович Цыпин — доктор церковной истории, доктор богословия, заслуженный профессор Московской духовной академии, заслуженный профессор Сретенской духовной академии, клирик храма «Большого Вознесения» у Никитских Ворот, член Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви, 119034, Россия, Москва, Чистый пер., 5.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 07.02.2024; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 21.02.2024.

Archpriest V. A. Tsy-pin

INTER-COUNCIL PRESENCE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH,
MOSCOW, RUSSIA

Patriarch of Moscow and All Rus' Sergius and the Soviet State

Abstract. At the end of 1925, Metropolitan Sergius of Nizhny Novgorod assumed the position of Deputy Patriarchal Locum Tenens. He undertook the task of formulating the Church's position in relation to state authorities. Its authentic expression was the draft "Appeal", which was rejected by the government, leading to the arrest of its author. After his release, Metropolitan Sergius, together with the Synod, issued a Message referred to as a "Declaration" in journalism. It emphasized the loyalty of the clergy and the Orthodox people to the Soviet government. Some clergymen criticized the Declaration, but a significant majority of the episcopate, clergy, and church people reacted with understanding to its publication. At the end of 1936, Metropolitan Sergius assumed the position of Locum Tenens following a false report of the death of Locum Tenens Peter. In fact, the holy Martyr Peter was still alive at that time, but in October 1937, he was shot. 1937 marked the peak of the terror. A new blow struck the Orthodox Church. On September 1, 1939, the Second World War began. As a result of the expansion of the

borders of the Soviet state to the west, the Moscow Patriarchate effectively gained control over the dioceses of the Baltic States, Western Belarus, Western Ukraine, and Moldova. In the new territories, churches were closed only in exceptional cases. On June 22, 1941, Germany attacked the USSR. On the first day of the war, the Locum Tenens composed a Message in which he blessed the Orthodox people for the defense of the Fatherland. From October 1941 to August 1943, the Patriarchate was located in Ulyanovsk. After its return to Moscow, Stalin and Molotov met with Metropolitans Sergius, Alexy, and Nikolai in the Kremlin. At the meeting, permission was given to convene the Council of Bishops, the most important act of which was the election of Sergius as Patriarch of Moscow and All Rus'. Patriarch Sergius died on May 15, 1944.

Keywords: Patriarch Sergius (Stragorodsky), the Soviet state, church-state relations

For citation: Tsy-pin, V. A., Archpriest. (2024). Patriarch of Moscow and All Rus' Sergius and the Soviet State. *Orthodoxia*, (2), 54–79. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-2-54-79

REFERENCES:

Akty Sviatishhego Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseia Rossii, pozdneishie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshei tserkovnoi vlasti. 1917–1943. [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, Later Documents and Correspondence on the Canonical Succession of the Supreme Church Authority. 1917–1943]. (1994). Moscow. [In Russian].

Vasileva, O. Iu. (1997). Zhreby mitropolita Sergiia (Ot “Deklaratsii” do “Pamiatnoi zapiski”) [The Lot of Metropolitan Sergius (From the “Declaration” to the “Memorial Note”)]. In *Ezhegodnaia Bogoslovskaiia konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo instituta, 30 ianv. — 1 fevr. 1997 g.: Materialy* (pp. 174–186). Moscow. [In Russian].

Vladislav Tsy-pin, Archpriest. (1997). *Istoriia Russkoi Tserkvi. 1917–1997* [The History of the Russian Church. 1917–1997] (Vol. 9). Moscow. [In Russian].

Ioann (Snychev). (1997). *Tserkovnye raskoly v Russkoi Tserkvi 20–30-kh godov XX stoletii* [Church Schisms in the Russian Church of the 20–30s of the XX Century]. Samara. [In Russian].

Krasnov-Levitin, A. (1979). *Vospominaniia. Ruk Tvoikh zhar* [Memoirs. The Heat of Your Hands] (Vol. 2). Tel-Aviv. [In Russian].

Patriarkh Sergy i ego dukhovnoe nasledstvo [Patriarch Sergius and His Spiritual Legacy]. (1947). Moscow. [In Russian].

Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i Velikaia Otechestvennaia voina [The Russian Orthodox Church and the Great Patriotic War]. (1943). Moscow. [In Russian].

Savich, A. A. (1947). *Kratkaia biografiia Sviateishego Patriarkha* [A Brief Biography of His Holiness the Patriarch]. In *Patriarkh Sergy i ego dukhovnoe nasledstvo* (pp. 13–52). Moscow. [In Russian].

Shkarovsky, M. V. (1995). *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i Sovetskoe gosudarstvo v 1943–1964 godakh* [The Russian Orthodox Church and the Soviet State in 1943–1964]. Saint Petersburg. [In Russian].

About the author:

Archpriest Vladislav Alexandrovich Tsypin — Doctor of Church History, Doctor of Theology, Honored Professor of the Moscow Theological Academy, Honored Professor of the Sretenskaya Theological Academy, cleric of the “Great Ascension” church near Nikitskiye Vorota, member of the Inter-Council Presence of the Russian Orthodox Church, 5, Chisty Pereulok, Moscow, Russia, 119034.

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 07.02.2024; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication 21.02.2024.